

О чем писал «Фома»

№ 6 (74)
2009 год

Александр Ткаченко

Обида

Кому и зачем нужно прощение

Обидеть человека легко. Чтобы постичь эту горькую истину, совсем не обязательно быть психологом или философом. Печальный опыт переживания нанесенной обиды имеется у всех людей без исключения, и каждому известно, как сильно может ранить душу одно-единственное недоброе слово.

Обиды преследуют человека с самого раннего детства. В песочнице совсем еще маленький карапуз доводит до слез другого малыша, отнимая у него игрушку или ломая построенный им песочный домик. Очередное поколение школьников с радостным смехом мучает обидными кличками своих одноклассников, страдающих избыточным весом, слабым зрением или другими физическими дефектами. Ну а про то, как страшно, изощренно и безжалостно умеют обижать друг друга взрослые люди, и говорить лишний раз не хочется. И если тонко организованный, ранимый человек не может дать отпор оскорблению, предательству или подлости, то последним аргументом в пользу собственной правоты для него становится чувство обиды.

Так почему же христианство покушается на этот последний оплот человеческого достоинства, почему оно призывает добровольно отказаться от неотъемлемого права — не прощать боли и слез тому, кто безжалостно ворвался в твою жизнь и опалил твое сердце? Что за парадоксальный призыв звучит в Евангелии: *...любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас (Лк 6:27-28)*? Наверное, это самая непонятная заповедь Христа. В самом деле: ну зачем любить тех, кто тебя ненавидит, обижает и гонит? Уж им-то, наверное, меньше всего на свете нужны наши любовь и прощение. Так для чего тогда принуждать себя к такому тяжелому и неблагодарному делу?

Почему нельзя мстить своим обидчикам, еще более-менее понятно: ведь если отве-

чать злом на зло, то вряд ли этого самого зла в мире станет меньше. С заслуженными обидами тоже все ясно, поскольку здесь действует простой и всем понятный принцип: заработал — получи и не жалуйся. А вот что делать, когда тебя обидели безо всякого повода, если наплевали в душу, растоптали и унизили просто потому, что так захотелось обидчикам? Неужели тоже — простить?

Когда хватаются за молоток

Один из лучших рассказов Василия Шукшина (который так и называется — «Обида») начинается с банальной и, увы, обыденной ситуации: человеку нахамили. Он пришел с маленькой дочкой в магазин купить молока, а продавщица по ошибке приняла его за хулигана, который накануне устроил здесь пьяный дебош. И сколько ни оправдывался бедный Сашка Ермолаев, сколько ни объяснял людям вокруг, что он ни в чем не виноват, — все было напрасно. На глазах у дочери его опозорили, обругали последними словами невесть за что. Кончается рассказ страшной картиной: Сашка бежит домой за молотком, чтобы проломить голову одному из своих обидчиков. И лишь счастливая случайность мешает ему совершить убийство.

Это, конечно, всего лишь художественное произведение. Но в нем Шукшин сумел удивительно точно показать странную особенность человеческой души — остро и очень болезненно реагировать на несправедливые обвинения. В самом деле, ну что за беда, если про тебя говорят гадости, к которым ты не имеешь никакого отношения! Ведь совесть твоя чиста и,

казалось бы, тут впору просто рассмеяться и пожалеть людей, которые так глубоко заблуждаются на твой счет.

Но не тут-то было... Стоит кому-либо плохо отозваться о нас — и сразу же в душе

хов и любовных романов. В христианском понимании страсть — это некое свойство человеческой природы, которое изначально было добрым и полезным, но впоследствии оказалось изуродовано грехом до

неузнаваемости и превратилось в опасную болезнь. В святоотеческой литературе говорится о восьми основных греховных страстях, в той или иной мере присущих каждому человеку: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Все эти страсти-болезни до поры прячутся в нас, оставаясь незамеченными, хотя на самом деле могут исподволь определять весь строй нашей жизни. Но стоит окружающим хотя бы чуть-чуть коснуться этих болячек, как они тут же дают

о себе знать самым непосредственным образом.

Собственно, именно это и случилось с героем шукшинского рассказа. Ведь Сашка Ермолаев и в самом деле был абсолютно не виноват в тех безобразиях, которые ему приписала продавщица. Но несправедливое обвинение больно ударило по его тщеславию и гордости, а те, в свою очередь, возбудили гнев. В результате симпатичный и добрый человек едва-едва не стал убийцей.

Бестолковая продавщица и равнодушные покупатели, поддерживавшие ее нападки на невиновного, безусловно, были неправы. И обижать людей, конечно же, нельзя, об этом даже говорить излишне. Но вот воспринимать нанесенную обиду ➤

НУ ЧТО ЗА БЕДА, ЕСЛИ ПРО ТЕБЯ ГОВОРЯТ ГАДОСТИ, К КОТОРЫМ ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ! ВЕДЬ СОВЕСТЬ ТВОЯ ЧИСТА И, КАЗАЛОСЬ БЫ, ТУТ ВПОРУ ПРОСТО РАССМЕЯТЬСЯ И ПОЖАЛЕТЬ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ТАК ГЛУБОКО ЗАБЛУЖДАЮТСЯ НА ТВОЙ СЧЕТ. НО НЕ ТУТ-ТО БЫЛО...

поднимается волна неприязни к этому человеку. А уж если обидчик будет упорствовать в своих нелепых обвинениях, эта неприязнь может перерасти в настоящую ненависть, застилающую глаза, отвергающую здравый смысл и требующую лишь одного — отплатить обидчику во что бы то ни стало. В таком состоянии и впрямь недолго схватиться за молоток...

Что же это за страшная сила, способная толкнуть честного и добропорядочного человека на преступление лишь потому, что кто-то наговорил ему разного вздора?

На языке христианской аскетики такая сила называется *страстью*, но, конечно же, не в том смысле, который вкладывают в это слово авторы лирических сти-

можно все-таки очень и очень по-разному. Можно схватиться за молоток. А можно заглянуть в свое сердце и ужаснуться той мути, которую в нем подняла несправедливая обида. Именно в такой ситуации легче всего увидеть свое духовно болезненное состояние, понять, как глубоко страсть пустила в тебе свои корни. И тогда обидчики становятся пускай и невольными, но все же — благодетелями, которые открывают человеку его духовные недуги своими неосторожными или даже злыми словами и поступками.

Вот как говорил об этом святой праведный Иоанн Кронштадтский: «...не раздражайся насмешками и не питай ненависти к ненавидящим и злословящим, а полюби их, как твоих врачей, которых послал тебе Бог для того, чтобы вразумить тебя и научить смирению, и помолись о них Богу... Говори: они не меня злословят, а мою страсть, не меня бьют, а вот эту змейку, которая гнездится в моем сердце и сказывается больно в нем при нанесении злословия. Утешаюсь мыслию, что, быть может, добрые люди выбьют ее оттуда своими колкостями, и не будет тогда болеть оно».

От уголька до пожара

Очень часто люди обижаются на, казалось бы, совершенно безобидные вещи. Достаточно бывает не то что слова — одного лишь взгляда, жеста или интонации, чтобы человек увидел в них нечто оскорбительное для себя. Странное дело: ведь никто же и не думал никого обижать, а обида снова — тут как тут, скребет сердце когтистой лапой и не дает жить спокойно.

Парадокс здесь заключается в том, что любая непрощенная обида всегда является «произведением» самого обиженного человека и вовсе не зависит от чьих-либо посторонних усилий или от их отсутствия. На это прямо указывает даже грамматическое строение слова *обиделся*. Ведь в данном случае «ся» — это не что иное, как вышедшая ныне из употребления славянская огласовка местоимения — «себя». Таким образом, *обиделся* означает *обидел себя*, то есть дал волю мыслям, разжигающим в душе сладкую смесь сознания собственной униженности и чувства нравственного превосходства над обидчиком. И хотя люди не любят признаваться

в таких вещах даже самим себе, но каждому еще с детства известно, как приятно бывает ощутить себя обиженным. Есть в этом какое-то нездоровое наслаждение, пристрастившись к которому, начинаешь искать обиду даже там, где ее и в помине не было.

Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» пишет: «Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навывдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...»

В этой всем знакомой болезненной «приятности» обиды можно найти ответ на вопрос: почему в христианстве непрощен-

ного человека всегда найдется великое множество. А в результате всех этих «духовных упражнений» обида из маленького уголька постепенно превращается в бушующее пламя, которое может полыхать в душе долгие месяцы, а то и годы. И если из-за чужого обидного слова или поступка человек разжиг такой пожар в собственной душе, то вполне закономерно будет сказать о нем, что он — *обиделся*. То есть — *обидел себя сам*.

Право на обиду?

Несколько десятилетий назад в советской культуре возник положительный образ обидчивого героя (правда, обидчивость его для благозвучия была тогда стыдливо переименована в *ранимость*). Этот типаж кочевал по различным художественным произведениям и тихо обижался на несправедливости и притеснения, которые проливным дождем сыпались на него из щедрой авторской руки. Так писатели и кинематографисты выражали свой протест против людской черствости, пытались обратить внимание аудитории на страдание и одиночество человека в бездушном обществе людей-винтиков. Цель была, безусловно, благородной, и образ ранимого героя работал здесь как нельзя лучше. Но к сожалению, у всякой палки — два конца.

Обратной стороной этого художественного метода стала романтизация самой обиженности. Ведь если тот, кто обижает, — плохой, значит, тот, кто обижается, — хороший. Следовательно: обижать — плохо, а обижаться — хорошо.

В результате такого отождествления нравственных оценок героя и его душевного состояния на тех же прекрасных, пронзительных и добрых рассказах Василия Макаровича Шукшина выросло целое поколение очень ранимых, а на самом деле — просто обидчивых людей. Право на обиду они считали вполне нормальным атрибутом человека с тонкой душевной организацией, поэтому чрезвычайно остро реагировали на малейшее проявление чужого хамства и душевной черствости. Такую нравственную позицию весьма убедительно озвучил в своем лирическом стихотворении Эдуард Асадов:

*Как легко обидеть человека:
Взял и бросил слово, злее перца...
А потом порой не хватает века,
Чтоб вернуть потерянное сердце.*

На первый взгляд здесь все правильно и понятно. И обижать человека нельзя ни в коем случае, и за своими словами при общении нужно следить — все так. Но есть в этом коротком стихотворе-

ОБИЖЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ЗАЖИВО ХОРОНИТ СЕБЯ В СКОРЛУПЕ СОБСТВЕННЫХ ПРЕТЕНЗИЙ К ОКРУЖАЮЩИМ, И ОСВОБОДИТЬ ЕГО ИЗ ТАКОГО СТРАШНОГО ЗАТОЧЕНИЯ НЕ СМОЖЕТ ДАЖЕ ГОСПОДЬ.

ная обида определяется как тяжкий грех. Если говорить совсем кратко, словом *грех* Церковь называет то, что противоречит замыслу Божию о человеке. Иначе говоря, грехом является все, что противно нашему естеству, разрушает нас, вредит нашему душевному или телесному здоровью, но при этом обещает некоторое кратковременное удовольствие и потому представляется желанным и приятным. Самоубийственный принцип влечения человека к греховным «радостям» довольно точно выражен в знаменитой пушкинской строке: «... Все, все, что гибелью грозит, / для сердца смертного таит / неизъяснимы наслажденья...» Еще более категорично определял разрушительную сладость греха преподобный Исаак Сириин, говоривший, что грешники подобны псу, который лижет пилу и пьянеет от вкуса собственной крови.

Нетрудно заметить, как сильно этот трагический образ напоминает упоение собственной обидой, описанное Достоевским. И даже если обида окажется не надуманной, а самой что ни на есть настоящей, это ровным счетом ничего не меняет.

Уголек обиды можно тщательно раздуть в своем сердце размышлениями о несправедливости случившегося, бесконечными мысленными диалогами с обидчиком, сознанием собственной правоты и прочими способами, которых у обижен-

нии еще одна очень важная тема, которая идет как бы вторым планом и потому не так заметна. Обиженный герой (оставшийся, что называется, за кадром) оказывается настолько ранимым, что из-за одного злого слова готов навсегда закрыть свое сердце для человека, причем для человека близкого, поскольку потерять можно лишь то, что было твоим. От такой категоричности героя, от этой его нетерпимости к чужим слабостям и недостаткам становится тревожно, прежде всего за него самого. Ведь с подобной «тонкостью» натуры в конце концов можно и вовсе остаться в гордом одиночестве, обидевшись на весь мир. А это состояние куда как страшнее и губительнее, чем самые злые слова и оскорбления. Обиженный человек живо хоронит себя в скорлупе собственных претензий к окружающим, и освободить его из такого страшного заточения не сможет даже Господь. Потому что разбить эту скорлупу можно лишь изнутри, искренне простив своих обидчиков. И пускай обидчики совершенно не нуждаются в нашем прощении. Зато в нем остро нуждаемся мы сами.

ПУСКАЙ НАШИ ОБИДЧИКИ СОВЕРШЕННО НЕ НУЖДАЮТСЯ В НАШЕМ ПРОЩЕНИИ. ЗАТО В НЕМ ОСТРО НУЖДАЕМСЯ МЫ САМИ.

Священномученик Арсений (Жадановский), убитый большевиками в 1937 году, писал: «Добродетель всепрощения еще тем привлекательна, что она тотчас же приносит за себя награду в сердце. На первый взгляд тебе покажется, что прощение унизит, посрамит тебя и возвысит твоего недруга. Но не так в действительности. Ты не примирился и, по-видимому, высоко поставил себя — а смотри, в сердце свое ты положил гнетущий, тяжелый камень, дал пищу для душевного страдания. И наоборот: ты простил и как бы унизил себя, но зато облегчил свое сердце, внес в него отраду и утешение».

Два свидетельства

Может показаться, будто прощение для христиан — легкое дело, раз уж они настолько хорошо знают, в чем его смысл. Однако это совсем не так. Прощение обид — всегда подвиг, в котором сквозь свою боль и унижение нужно увидеть в обидчике такого же человека, как и ты сам, а сквозь его злобу и жестокость разглядеть те же духовные болезни, которые действуют и в тебе тоже. Сделать это очень непросто, особенно в тех случаях, когда обида уже пустила в душе

глубокие корни, и даже осознанное волевое усилие не всегда помогает в борьбе с этой бедой.

Случается, например, что человек простил своего обидчика, но когда тот снова наносит обиду, то в возмущенной душе резко оживает и прежнее зло. Бывает так, что и обида забыта, и обидчик прощен, но, если с ним случается беда, мы испытываем какое-то тайное жестокое удовлетворение. А если преодолели и эту ступень, то все же порой не можем сдержать недоумения и разочарования, когда узнаем о благополучии того, кто нас обидел когда-то. Формально прощая причиненную обиду, мы в глубине души все же продолжаем считать его своим должником и подсознательно надеемся на то, что Бог воздаст ему по заслугам. Но совсем не этого упования на грядущее возмездие ожидает от нас Господь.

Митрополит Сурожский Антоний после войны работал врачом и много общался с бывшими жертвами фашистских концлагерей. Это были люди, которых несколько лет подряд каждый день обижали так страшно, что об этом нельзя даже подумать без содрогания. Но что же они вынесли из этого многолетнего опыта обид и унижений, как относились к своим обидчикам? Владыка Антоний приводит в своей книге два уникальных документа — молитву, написанную на клочке оберточной бумаги погибшим узником лагеря смерти Дахау, и рассказ своего старого знакомого, который сам провел за колючей проволокой четыре года. Наверное, можно сколь угодно долго теоретизировать о христианском всепрощении, соглашаться с ним, или его оспаривать... Но перед этим единоклассным свидетельством двух людей, перенесших немислимые страдания, хочется просто склонить голову и благоговейно умолкнуть:

«Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников.

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли — мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой

смерти, даже в моменты предельной слабости. Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло! И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей...”

Второй пример — человека, которого я очень близко знал. Он был старше меня значительно, участник первой мировой войны, где он потерял руку; он вместе с матерью Марией Скобцовой спасал людей во время немецкой оккупации — Федор Тимофеевич Пьянов. Его взяли немцы в лагерь, он четыре года там был, остался в живых. Когда он вернулся, я его встретил случайно на улице, говорю: — Федор Тимофеевич, что вы принесли обратно из лагеря, с чем вы вернулись? — Я вернулся с ужасом и тревогой на душе. — Вы что, потеряли веру? — Нет, — говорит, — но пока в лагере я был жертвой жестокости, пока я стоял перед опасностью не только смерти, но

попыток, я каждую минуту мог говорить: Господи, прости им, они не знают, что творят! И я знал, что Бог должен услышать мою молитву, потому что я имел право просить. Теперь я на свободе; наши мучители, может быть, не поняли и не раскаялись; но когда я говорю теперь: Господи, прости, они не знают, что творят, — вдруг Бог мне ответит: а чем ты докажешь искренность своего прощения? Ты не страдаешь, теперь тебе легко говорить...

Вот это тоже герой прощения.

И я глубоко уверен, что в конечном итоге, когда мы все станем на суд Божий, не будет такой жертвы, которая не станет в защиту своего мучителя, потому что раньше, чем придет время окончательного Страшного суда над человечеством, каждый, умерев, успеет на себя взглянуть как бы в зеркале Божества, увидеть себя по отношению ко Христу, увидеть, чем он был призван быть и не был, и уже не сможет осудить никого» (из книги митрополита Антония Сурожского «Человек перед Богом»). **Ф.**

Рисунки **Алены Гудковой**